

ЗОЯ ИВАНОВНА МИНЕЕВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 3575-1628-3586-2908; zmineeva@rambler.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООТРОПОВ У А. С. ПУШКИНА

Аннотация. Рассматривается употребление зоотропов – названий животных, птиц в переносных антропоцентрических значениях, которые Пушкин использует в речевых актах разных типов. Актуально выявление единиц, которые автор привлекает для экспликации положительной и отрицательной оценки свойств человека, его действий, поведения. Для семантического и прагматического анализа привлекаются тексты разных жанров: трагедии, роман, стихи, эпиграммы, письма. Новизна исследования заключается в сопоставлении семантики и прагматики зоотропов в текстах Пушкина и современных авторов (с помощью Национального корпуса русского языка) и лексикографии с целью определения узуальных и окказиональных единиц. В результате определяются, во-первых, единицы, которые используются для выражения положительной оценки в ласковых обращениях к женщине, при выражении дружеского отношения, одобрения; семантика таких единиц включает мелиоративный компонент. Во-вторых, выявляются зоотропы, которые Пушкин использует для выражения негативной оценки, неодобрения, порицания, браны; семантика этих единиц включает пейоративный компонент. Семантика оценки нивелируется в случае языковой игры, шутки. Референтами положительной и отрицательной оценки выступают герои пушкинских текстов, люди, с которыми Пушкина связывали официальные и неофициальные, дружеские, семейные отношения. Делается вывод о том, что зоотропы Пушкин использует с целью эксплицировать оценку, проявить широкий диапазон положительных и отрицательных эмоций и интенций, а также для языковой игры. В анализируемую группу слов входят узуальные и окказиональные лексемы.

Ключевые слова: зоотроп, прагматика, метафора, метонимия, оценка, пейоративная коннотация, мелиоративная коннотация, языковая игра

Для цитирования: Минеева З. И. Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564

ВВЕДЕНИЕ

Простота, точность и легкость пушкинского слога, присущие прозаическим и поэтическим произведениям, пронизывают творчество создателя литературного языка и в немалой степени достигаются благодаря точной и емкой образности мудрого и зоркого гения. Взгляд Пушкина во время размышлений, созерцания, наблюдения обращен к внешнему миру с его разнообразными обитателями и внутрь, к своим переживаниям и разгадке человеческих характеров. С одной стороны, насекомые, которые жалят, вредят, наносят ущерб, досажддают поэту, отравляют наслаждение прекрасным временем года: *Ох, лето красное! Любил бы я тебя, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи!* («Осень», 1823, П¹, т. 2: 380). Эти неприятные ощущения ассоциативно связаны с негативной реакцией на действия людей, с которыми автор должен иметь дело. С другой стороны,

общение с природой доставляет удовольствие и вызывает приятные ассоциации: *В чужбине свято наблюдаю Родной обычай старины: / На волю птичку выпускаю / При светлом празднике весны* («Птичка», 1823, П, т. 2: 7). Наблюдения за птицами и насекомыми служат источниками положительных и отрицательных эмоций, инструментом характеристики реальных людей и героев произведений, следовательно, представляют собой путь возникновения мелиоративной и пейоративной коннотации в антропоцентрических значениях названий животных.

Объектом нашего исследования служит сфера пересечения двух миров, природы и человека, точнее, особенности взаимодействия знаний, полученных в процессе наблюдения поэта за миром животных (сфера источника в когнитивном понимании метафоры), и рефлексии в связи с разнообразными проявлениями человеческих типов и характеров (сфера цели).

Данное исследование, целью которого является характеристика прагматических свойств зоотропов у Пушкина в аспекте узуальности – окказиональности, продолжает анализ антропоцентрических ЛСВ в материалах «Словаря языка А. С. Пушкина»² и Национального корпуса русского языка (НКРЯ)³ [5]. Основные аспекты исследования – определение круга зоотропов, коннотативные компоненты которых обеспечивают соответствующую прагматику у Пушкина и в современном языке, а также зоотропов с окказиональными и архаичными компонентами, не позволяющими использовать данные единицы в аналогичной прагматической функции в современном языке. Другими словами, нас интересует и необычный (с точки зрения современного восприятия) способ выражения Пушкиным актуальной прагматики с помощью окказионального языкового средства, и случаи семантического сдвига, изменения значения слова, влияющего на реализацию его прагматики.

Изучение пушкинского языка предпринимается учеными в аспекте архаичности – неархаичности:

«С одной стороны, язык Пушкина понятен и не ощущается как архаичный... С другой стороны, пушкинский язык настолько отличается от современного узуса, что интуитивно ощущается как “не вполне свой”, даже если все его элементы не вызывают проблем понимания» [1: 76]

и включает случаи, когда определенный смысл выражается необычным для современного носителя языка способом: «Значение таких выражений в принципе понятно, но сегодня так бы не сказали» [1: 78].

Изучается также семантика слова и ее изменение с XIX века до настоящего времени, такой анализ позволяет преодолеть трудности в понимании интенций автора [6].

ЗООТРОПЫ В ТЕКСТАХ ПУШКИНА

Инвентарь лексем, включающих названия животных в переносном значении, у А. С. Пушкина достаточно объемен и разнообразен с точки зрения представленных в нем классов единиц и реализуемой с их помощью прагматики.

Человек и в настоящее время, и во времена Пушкина и подл, и высок, и мелочен, и великодушен, что находит отражение в исследуемых текстах.

Перенос: название животного → человек может быть метафорическим или метонимическим, а может представлять собой сплав их взаимо-переходов. Переносные антропоцентрические значения названий животных в русской картине мира разнообразны, функционально значимы

и прагматически нагружены. Функционирование таких единиц в XIX веке активно изучается [2], [8]. Прагматика имеет дело с оценочными и околооценочными значениями, ассоциациями и коннотациями. Пушкин использует прагматический потенциал этих единиц, имплементируя вполне определенные интенции и находя в зоотропах универсальное средство идентификации и характеристики *Homo sapience*.

При прагматическом подходе к анализу языковых единиц акцентируется внимание прежде всего на коммуникативных целях того или иного речевого акта, в котором выражается одобрение или порицание определенных качеств референта. Можно также говорить о прагматической установке автора воздействовать на читателя таким образом, чтобы он разделил положительную или отрицательную оценку свойств характера, внешности, манеры поведения, особенности взаимодействия с автором. В одних случаях Пушкин концентрирует свое внимание на аномальных проявлениях человеческого характера, свойств, действий, не соответствующих ожиданиям автора и его представлениям о норме и обуславливающих негативную оценку. В других – коммуникативная цель автора состоит в выражении одобрения.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Экспликация симпатии, похвалы, восхищения осуществляется с помощью лексем, семантика которых включает мелиоративный коннотативный компонент.

Названия птиц традиционно используются в русском языке с целью выражения положительной оценки при комплиментарно-ласковом обращении к девушке, женщине. Пушкин использует зоотропы *косатка*, *лебедушка*, *соловейко*, *птиашка*, *птичка*, *голубка*, *голубушка*, *голубчик*, *сокол*. Прагматика положительной оценки, как правило, не обусловлена проявлением конкретного качества, свойства референта, а связана с личностными качествами и положительными эмоциями поэта.

Косатка

У Пушкина вторичное значение лексемы базируется на исходном *косатка* в значении ‘ласточка’ (СП, т. 2):

*Согласен, – говорит отец, – Ступай благополучно, Моя Наташа, под венец: Одной в светелке скучно. Не век девицей вековать, Не век *косатке* распевать, Пора гнездо устроить, Чтоб детушек покоить* («Жених», 1825, П, т. 2: 92).

В современном языке имеются омонимы *косатка* ‘дельфин’ и *косатка* ‘рыба’ (БАС-3⁴, т. 8:

510); НКРЯ содержит словоупотребления первого омонима, в том числе в сложениях *дельфин-косатка* (1993), *кит-косатка* (1964, 2002–2009), в сочетании с прилагательным *плотоядный* (2009) и *хищник* (1963). Единичное употребление формы множественного числа отмечается в спортивной сфере для обозначения спортсменов канадского клуба «Ванкувер Кэнакс», известного в России тем, что за него играл российский хоккеист П. Буре. Пушкинской *косатке* соответствует стилистически маркированный омофон *касатка* ‘деревенская ласточка’ и *трад.-нар.* ‘ласковое обращение к женщине, девушке, девочке’ (БТС⁵); в академическом словаре второй ЛСВ снабжен пометой ‘разговорное’ (БАС-3, т. 7: 691). Анализ документов НКРЯ, в которых *касатка* используется в значении ‘дельфин’ (2013, 2014 годы и др.) и ‘спортсмен’ (2009, 2011 годы), ставит под сомнение наличие в современной разговорной речи слова *касатка* (в вокативной функции), мотивированного ЛСВ *касатка* ‘ласточка’.

Лебедушка

Модификационный дериват *лебедушка* у Пушкина представляет собой ласковое обращение к девушке, женщине (СП), эту метафору автор использует в поэтическом тексте: *Что ж, красные девицы, вы примолкли? Что ж, белые лебедушки, притихли?* («Русалка», 1832, П, т. 4: 396), в общении с друзьями: *Прости, прощай – с тобою ли твоя княгиня-лебедушка?* (Письмо П. А. Вяземскому, 13 июля 1825 г., П, т. 9: 167). В современном узусе зоотроп *лебедушка* отсутствует (НКРЯ); по данным лексикографии, сохраняется исходная лексема *лебедь* при обращении к девушке, женщине, в том числе в народно-поэтических текстах (БАС-3, т. 9: 78).

Соловейко

Модификационный дериват *соловейко* мужского рода от названия птицы *соловей* употребляется Пушкиным в прямом значении в стихотворении «Соловей», в переносном значении – по отношению к референту-женщине, обладающей приятным голосом: *Другой Урусов, говорят, женится на Бороздиной – соловейке* (Письмо Н. Н. Пушкиной 3 октября 1832, П, т. 10: 115). В современном языке исходное слово *соловей* используется как обозначение человека с хорошими вокальными данными, при этом наблюдаются коллокации с определяющими прилагательными, лексема *соловейко*, *м.* – Народно-поэт. Ласк. к ‘соловей’⁶ в число узальных не входит.

Птичка и птиашка

Ласковое обращение к любимой героине *птичка* (первоначально в рукописи) и *птиашка*

(в окончательной редакции) автор вкладывает в уста няни: *О птиашка ранняя моя!* («Евгений Онегин», 1831, П, т. 4: 71); референт – Татьяна Ларина. Узуальный характер первого зоотропа подтверждается данными словарей [8] и НКРЯ, слово *птичка* в вокативной функции используется с целью выразить положительную оценку референта со стороны говорящего; второй зоотроп входит в состав фразеологизма *ранняя птичка*.

Голубица, голубка, голубушка, голубчик

Пушкинским используются модификационные дериваты ж. р. (голубица, голубка, голубушка): *голубица, Красавица-девица* («Жених», 1825, П, т. 2: 94); *Подруга дней моих суровых, Голубка дряхлая моя!* («Няне», 1826, П, т. 2: 152); *Прощай, Мария Ивановна, моя голубушка!* («Капитанская дочка», 1836, П, т. 5: 382) – в качестве ласкового обращения и номинации; м. р. (голубчик): *Я с тобой, голубчик, управляюсь, – сказал грозно генерал* («Дубровский», 1832, П, т. 5: 191) – при фамильярном и ироничном обращении к мужчине. *Голубица* и *голубка* в современном языке утратили статус актуальных узуальных средств, переместившись в разряд устарелых. Можно отметить развитие функционально-прагматических свойств у узуальных слов (голубушка, голубчик) данной группы, которые употребляются больше для выражения иронии, чем для выражения положительных эмоций.

Сокол

Употребляемое Пушкинским в аппозитивной функции обозначение мужчины (*Прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный!* – говорила добрая попадья («Капитанская дочка», 1836, П, т. 5: 382) включает мелиоративный компонент, выражает положительную оценку; данная прагматика сохраняется в современном языке [7], [8].

Таким образом, 5 из 10 названий птиц, привлекающихся Пушкинским для выражения ласкового, приязненного отношения к героям произведений и близким друзьям автора, сохраняют характер прагматики и входят в число узуальных единиц современного языка.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Большая группа зоотропов используется для выражения негативной оценки референта, порицания его поведения, неприятия определенных качеств. Пушкин придавал особое значение этому пласту лексики и отдавал себе отчет в серьезности перлокутивного эффекта, наступающего в результате включения в текст такой единицы с мощным воздействующим потенциалом. Каждая из выявленных в пушкинских текстах

лексем занимает определенное место на градуальной шкале в зависимости от эксплицируемой прагматики от иронии до браны.

Тигренок

Модификационный дериват от исходного *тигр* имеет в семантической структуре ('молодой, сильный, хищный') компонент 'невзрослость' и коннотацию негативной оценки. Слово вне контекста не содержит негативно-оценочных коннотаций и скорее включает мелиоративный компонент, обеспечивающий употребление с целью положительной оценки. Тем выразительнее в ткани одной из маленьких трагедий его употребление с целью показать противоестественность, ненормальность противостояния и вражды между скupым отцом и жаждущим богатства сыном. Образ молодого рыцаря, готового в «ужасный век» принять вызов старого отца и сразиться с ним, предстает резко негативным в восприятии герцога, речь которого обращена к враждующим родственникам: *Герцог. Что видел я? что было предо мною? Сын принял вызов старого отца!.. Молчите: ты, безумец, И ты, тигренок!* полно («Скупой рыцарь», 1830, П, т. 4: 319). Использование зоотропа *тигренок* Пушкиным необычно, а прагматика модификационного деривата исключительно индивидуальна.

Щенок

Пушкинский *тигренок* прагматически тождествен современному узальному *щенок*. Негативно-оценочная грубо-пренебрежительная номинация *щенок* известна Пушкину, он использует ее дважды: *Мужик на амвоне... вязать Борисова щенка!* («Борис Годунов», 1825, П, т. 4: 296); *Вы, щенки! За мной ступайте!* («Утопленник», 1828, П, т. 2: 221).

Насекомые – букашка – паук – жук – мураска

А. С. Пушкин использует слово *букашка* в предикативной функции в ряду других согипонимов при передаче диалога антагонистов – поэта и критика:

Моё собранье насекомых Открыто для моих знакомых... Вот Глинка – божия коровка, Вот Каченовский – злой паук, Вот и Свинин – российский жук, Вот Олин – черная мураска, Вот Раич – мелкая букашка («Собрание насекомых», 1829, П, т. 2: 283).

Букашка появляется у Пушкина именно при передаче диалогов редакторов, критиков и поэта: *Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек. – Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи твои* (Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений, 1830, П, т. 6: 329). После публикации стихотво-

рения Пушкин подвергся резкой критике из-за употребления названий насекомых (*букашка, жук* и др.), обладающих коннотацией резкого уничижения; однако он публикует в «Литературной газете» заметку «Собрание насекомых» (П, т. 6: 65–66), посвященную ранее опубликованному стихотворению, вновь печатает его, сопровождая насмешливо-ироничным комментарием, и обещает издать отдельной книжкой для продажи по 25 рублей, баснословно высокой цене, показывающей ценность и важность ее для поэта, то, что он не готов расстаться с этим текстом.

В современном языке негативная оценка и интенция уничижения при употреблении названий насекомых по отношению к человеку сохраняется: *паук* 'злой', *букашка* и *насекомые* 'ничтожные', *жук* 'хитрый'. *Мураска* – индивидуально-авторская единица, синонимичная созвучному *букашка*.

Обезьяна

Зоотроп во времена Пушкина представляет собой полисемант. Во-первых, *обезьяна* используется автором в значении 'щеголь, модник' как слово, хорошо известное читателям-современникам. В романе обезьянами названы светские щеголи и волокиты, например, во фрагменте, который начинается строкой «Чем меньше женщину мы любим...»: ...*Но эта важная забава Достойна старых обезьян Хвальных дедовских времен: Ловласов обветшила слава Со славой красных каблуков И величавых париков* («Евгений Онегин», 1831, П, т. 4: 76). Автор напоминает, что в стародавние времена ловеласы в модных париках и красных каблуках имели успех, однако теперь он видит в них *старых обезьян*, и негативная оценка, прагматика осуждения усугубляются с помощью зависимого прилагательного, также приобретающего негативно-оценочную коннотацию: *старый 'плохой'*. Аргументом в пользу того, что зоотроп у Пушкина употребляется именно в значении 'щеголь', служит контекст со словом *щегольство*: *Но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который и прозвал его остроумно французской обезьяною* («Арап Петра Великого», 1837, П, т. 5: 27).

Во-вторых, под влиянием французского языка лексема *обезьяна* имела значение 'француз'. В протоколе собрания лицеистов в октябре 1828 года Пушкин вслед за своими друзьями называет себя «французом (смесью обезьяны с тигром)», здесь прослеживается аллюзия к выражению Вольтера *«tigre-stinge»* (обезьяна-тигр, или смесь обезьяны с тигром) для характеристики французов: «Выражение “смесь обезьяны

и тигра” (“tigre-stinge”) было пущено в ход Вольтером как характеристика нравственного облика француза» [3: 380]. Ю. М. Лотман пишет о том, что «две лицейские клички Пушкина по сути являются одной... и ее парафразом» [3: 381]. Употребление слова *обезьяна* в значении ‘француз’ встречаем в стихах Пушкина: *О Вольтер! О муж единственный! Ты, которого во Франции Почитали богом неким, В Риме дьяволом, антихристом, Обезьяною в Саксонии!* («Бова», 1814, П, т. 3: 382). Зоотроп *обезьяна* в значении ‘некрасивый человек’ в XIX веке известен, однако Пушкиным не употребляется.

Генерализация семантики зоотропа делает возможным его употребление для общей негативно-оценочной характеристики без уточнения конкретного качества, обусловившего эту оценку:

Тупые лица, тупая важность – и только! Как ей было скучно! Как она казалась утомленной! Она увидела, чего им было необходимо, что могли понять эти обезьяны проповеди, и кинула им каламбур («Рославлев», 1831, П, т. 5: 139).

Сегодня человек, названный обезьяной, представляется прежде всего кривляющей, бездумно повторяющим за кем-либо, слепо копирующим, перенимающим чье-либо поведение, манеры, слова. Репрезентация данного значения представлена в знаменитом рассказе М. Зощенко «Обезьяний язык» и других текстах, а также отражена в лексикографических дефинициях: «обезьяна 2. Разг. О человеке, который подражает другим, передразнивает других, гrimасничает, кривляется. 3. Разг. Об очень некрасивом человеке» [8]. *Обезьяна* с ЛСВ ‘щеголь’ современным языком утрачена, развитие семантики слова происходит по типу генерализации (‘подражание моде’ → ‘подражание’), прагматика негативной оценки остается неизменной.

Собака – пес

Собака и пес используются Пушкиным как бранные слова (СП) в устах рыцаря, который бранит жида Соломона за то, что тот не дает ему денег в долг:

Жид. Ах, милостивый рыцарь, Клянусь вам: рад бы... право, не могу. Где денег взять? Альбер. Полно, полно. Ты требуешь заклада? Что за вздор!.. Иль рыцарского слова тебе, собака, мало? («Скупой рыцарь», 1830, П, т. 4: 305).

Прагматически употребление зоотропа *собака* обусловлено необходимостью для рыцаря обозначить собственное превосходство и низкое положение ростовщика: как смеет «проклятый жид» и «разбойник», он же «почтенный Соломон», не верить благородному рыцарю. Кроме того,

рыцарь выражает таким образом свое возмущение тем, что Соломон предлагает ему воспользоваться услугами аптекаря, который может дать яд для богатого, но безмерно скупого отца Альбера:

Альбер. Как! отравить отца! и смел ты сыну... Иван! держи его. И смел ты мне!.. Да знаешь ли, жидовская душа, Собака, змей! Что я тебя сейчас же На воротах повешу. Жид. Я... я шутил. Я деньги вам принес. Альбер. Вон, пес! (П, т. 4: 308).

Лексема *пес* употребляется для выражения презрительно-пренебрежительного отношения, с подчеркиванием асимметрии статуса и низкого положения референта:

Больно спесив Кирилла Петрович! А небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: Вон, старый пес! («Дубровский», 1833, П, т. 5: 171).

Единство и неделимость творчества Пушкина наблюдаем в использовании зооморфных образов, переходящих из одного произведения в другое. *«Собака!»* – презрительно бросает один благородный рыцарь ростовщику Соломуну, другие рыцари – вассалам: *Подлецы, собаки вот мы вас!* («Сцены из рыцарских времен», 1835, П, т. 4; 425). Это же бранное слово повторяет Савельич по отношению к самозванцу Пугачеву: *«Помилуй, батюшка Петр Андреич!»* – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке» («Капитанская дочка», 1836, П, т. 5: 300). Категоричность негативной оценки в речи слуги оттеняется ласково-уважительным, почтительным *батюшка* в именовании молодого хозяина.

В современном языке употребление лексем *собака* и *пес* сопряжено с прагматикой браны и выражения презрения: «Собака 3. Разг. О злом, жестоком, грубом человеке / употр. как бранное слово. Ты стрелял, с.? Отойди с дороги, с. паршивая!» (БТС, с. 1224); «Пес 2. О человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками. Ах он п. такой; п. паршивый, поганый (бранно)» (БТС, с. 826).

Змея – змей

Корреляты существительных мужского и женского рода змей и змея семантически и прагматически тождественны, и варьирование их выбора Пушкиным объясняется версификационными целями. В вышеприведенном фрагменте из «Скупого рыцаря» используется змей как квазисиноним зоотропа *собака*, в другой маленькой трагедии – змей в речи Сальери как средство зримо представить человека, объятого завистью:

Сальери. Кто скажет, чтоб Сальери гордый был Когда-нибудь завистником презренным, Змей, людьми растоптанною, вжисе Песок и пыль грызущю бесписьно? («Моцарт и Сальери», 1830, П, т. 4: 324).

В современном языке сохраняются оба коррелята, причем, как видим, при этом возможно использование лексем в ряду с другими бранными зоотропами:

— *Ах же ты гад, ах ты змей, ах ты барбос ты противный, подколодная гадюка, сволочь и сукин же ты рассын!* — кричала женщина, которую ему и узнавать не надо было, потому что женщина являлась его законной супругой (НКРЯ: Попов Е. Вне культуры (2000)).

Свинья

Зоотроп у Пушкина используется в значении ‘грязный’ и при общей негативно-оценочной характеристике. Референтами на уровне обобщения выступают русский человек как носитель прототипических черт, в другом случае — член семьи (дедушка). Во-первых, при описании типичных черт, присущих этнической группе, к которой относится сам автор, Пушкин обращает внимание на тяготы русских путешественников, с нетерпением ожидающих баню: *Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньей, идет в баню, которая наша вторая мать* (Письмо Н. Н. Пушкиной 3 октября 1832 г., П, т. 10: 114.). Во-вторых, негативно оценивается поведение дедушки, который тратит деньги не на членов семьи, в круг которых входит Пушкин, а на себя и свои прихоти: *Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10000 приданого. А не может заплатить мне моих 12000* (Письмо П. В. Нащокину 22 октября 1831 г., П, т. 10: 75).

В современном языке зоотроп узуальный, представляет собой полисемант, что подтверждается лексикографическими данными: *Свинья* 2. Разг. О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками. *Настоящая с. С. свиньей*. 3. Разг. О человеке, поступающем низко, подло, грубо (БТС, с. 1161). Прагматика порицания свойственна использованию данной лексемы в первом и втором значениях, оба значения представлены у Пушкина.

Скот и Скотина

Референтами выступают редакторы, цензоры, которых Пушкин называет *скотами* за вмешательство в творческий процесс, попытки диктовать, какие изменения должны быть внесены в текст:

...если согласие мое, не шутя, тебе нужно для напечатания Разбойников, то я никак его не дам, если не пропустят жид и харчевни (*скоты! скоты! скоты!*), а пока — к чорту его (А. А. Бестужеву 29 июня 1824 г., П, т. 9: 104).

Реализуется прагматика брани, выражения крайне негативного отношения (троекратный

повтор) к лицам, воспоминание о которых неприятно.

Это брат его, князь Григорий, известная скотина («На углу маленькой площади», 1832, т. 5: 490); *Коменданское место около полустолетия занято дураками; но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали* (Дневник 1833–1835, П, т. 7: 341).

Зоотропу свойственна прагматика обозначения асимметрии статуса, подчеркивание говорящим своего более высокого положения:

— *Вы что зеваете, скоты?* — продолжал он, обращаясь к слугам: — *бегите отказать ему* («Арап Петра Великого», 1827, П, т. 5: 30).

Обе единицы узуальные, их функции остаются неизменными в современном употреблении. *Скот* 2. Презрят. О грубом, низком, подлом человеке.

Если он не совершенный с., то обязан извиниться. / Бранно. *Выведите этого скота!*; Скотина 2. м. и ж. Презрят. = Скот (2 зн.). *Какая-то с. перебила в вагоне все стекла.* / Бранно. *Ты еще брашишься, с. ты этакая!* (БТС, с. 1201).

Выползок

Слово *выползок*, синоним к *червяк* в распространенной аппозитивной конструкции, Пушкин использует в эпиграмме на критика Каченовского, выдержанной в крайне резком тоне: *Уймись! — и прежним ты стихом доволен будь, Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!* («На Каченовского», 1818, П, т. 1: 67). *Выползок*, м. 1. Кожа змеи, наружный покров гусеницы или насекомого, который она сбрасывает во время линьки. 2. В речи рыболовов — червяк, выползший на поверхность земли (БАС-3, т. 3: 513).

Реализуется интенция уничижения, подкрепляемая контекстом: *выползок плюгавый* (презрят. ‘невзрачный, жалкий на вид человек’). Пушкин уподобляет критика Каченовского червю, выползшему из-под птичьего хвоста, гузна. Слово *выползок* на основании анализа данных НКРЯ следует определить как бранное узуальное слово: *Выползок проклятый! Холоднокровная сволочь!* Чума в желтых очках! (НКРЯ: М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)).

Зоотроп используется современными авторами:

Где я... что со мной... Почему позволяю всем этим выполнкам безнаказанно бродить по проклятому дому под нереальное звучание моего собственного голоса? (НКРЯ: Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)); *Ладно, ничтожнейший Воронков, выполнок из ЦК комсомола, «писатель», ничего не писавший и не написавший...* (НКРЯ: Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008)) и др.

Козел

Чрезвычайно важная и интересная рефлексия Пушкина по поводу того эффекта, который достигается при употреблении зоотропа *козел*, содержится в эпиграмме. Пушкин по существу заложил основу юрислингвистики (лингвокриминалистики) в метаязыковом комментарии, который представляет собой предостережение авторам и наставление о том, как избежать ответственности при использовании негативно-оценочной лексики: *Нельзя писать: Такой-то де старик, Козел в очках, Плюгавый клеветник, И зол, и подл: Все это будет личность* («Эпиграмма», 1829, П, т. 2: 274).

Именно *козел в очках* вслед за Пушкиным использовал М. Горький, такие данные предоставляет Национальный корпус: *Ну, куда тебе, козел в очках, деньги?* (НКРЯ: Максим Горький. Жизнь Климова Самгина. Часть 2 (1928)), а зоотроп *козел* нашел широчайшее употребление с серьезными для адресантов последствиями.

В настоящее время зоотроп *козел* реализует прагматику браны, выражения универсальной резкой негативной оценки. *Козел «Бранно. О человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью. Ну и к! Старый к!»* (БТС, с. 437). Предостережение Пушкина о том, что «не льзя», иначе «это будет личность», звучит своевременно.

По-прежнему бранные зоотропы не утратили своей актуальности и маркируют наличие эмоционально-экспрессивной оценки, используются «с целью обидеть адресата, оскорбить его» (БТС: 16).

Таким образом, негативная оценка выражается с помощью ряда зоотропов в экспрессивных речевых актах в стихотворных и прозаических произведениях, а также в разговорном жанре эпистолярной прозы. Один зоотроп окказиональный (*тигренок*), остальные семь узуальны и современны.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Игра со словом у Пушкина охватывает лексический, словообразовательный и синтаксический уровни. Автор использует для языковой игры сходство внешней формы, позволяющей сближать семантически далекие лексемы (паронимы и омонимы), разные способы словообразования (усечение и заменительная деривация), возможность перестраивать фразему-предложение. При этом эффект не ограничивается шуткой, каламбуром, а помогает автору достичь прагматического эффекта противопоставления, выразить оценку референтов.

Парономазия: *баран – барон*

Каламбурное сближение в рамках одного текста разных по семантике, но фонетически близких лексем намечает контекстуальную антонимию: *барон* означает статусного, важного человека, *баран*, напротив, – глупого, а потому незначительного. В дружеском послании Пушкин говорит о бароне Дельвиге и пытается предостеречь его от агрессивных действий недоброжелателей: *Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона* (Письмо П. А. Плетневу 9 декабря 1830, П, т. 9: 376). Игровой характер словоупотребления упомянут в монографии [7: 293].

Заменительная деривация: *соловей-разбойник – грач-разбойник*

Окказиональный дериват *грач-разбойник* создан Пушкиным на основе узуального составного композита *соловей-разбойник* путем заместительной деривации, замены компонента *соловей* на *грач*. Как и в предыдущем случае, поэтом создается эффект контекстуальной антонимики при актуализации внутренней формы исходного слова. Название птицы *соловей* – носитель положительных качеств, поэтому для реализации прагматики негативной оценки этот компонент в узуальном *соловей-разбойник* заменяется на *грач* с пейоративной коннотацией. С помощью окказионального композита реализуется прагматика пейоризации: *Брата я пожурил за рукописную известность «Бахчисарай». Каков Булгарин и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники* (Письмо П. А. Вяземскому, апрель 1824, П, т. 9: 95).

«Северная Пчела» – *северные шмели*

Аналогично интенция пейоризации реализуется при употреблении лексемы *шмель* как контекстуально сниженной по сравнению с *пчела*; северными шмелями называет Пушкин Булгарина и Гречу, издателей журнала «Северная Пчела»:

За разбор «Мысли», одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству (Письмо М. П. Погодину 1 июля 1828, П, т. 9: 280).

Усечение: *сверчок – сверчъ*

Зоотропы *сверчок* и *сверчъ*, несомненно, отличаются от других названий насекомых, поскольку представляют собой шутливое прозвище поэта в «Арзамасе»: *Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверчъ* (письмо П. А. Вяземскому 1831, П, т. 10: 62).

Согласно «Этимологическому словарю» Фасмера, слово *сверчок* восходит к праславянскому *sverś ‘вид насекомого’ и образовано от глагола с семантикой звука *сверчати* ‘пронзительно кричать, трещать, щебетать’ // звукоподражательное с экспрессивным преобразованием⁷.

Следовательно, слово *сверч* – окказионализм, образованный усечением от девербатива *сверчок*: *сверчати* ‘трещать’ → *сверчок* ‘насекомое’ → *сверч* ‘прозвище Пушкина в «Арзамасе» и автороминация’.

Пушкин использует полисемическую и омонимическую аттракцию: *бабочка-Филимонов* (журнал «Бабочка») – *бабочка* (‘баба’).

В каламбуре у Пушкина фигурируют омонимы *бабочка* ‘девушка’ (уменьшительно-ласкательный суффиксальный дериват от *баба* + -очк(а) → *бабочка*) и *бабочка* в составе композита (журнал «Бабочка» → *бабочка-Филимонов*, деонимизация, метонимия). Эффект языковой игры достигается каламбурным сближением омонимов, обозначающих, с одной стороны, редактора журнала, с другой – «парнасской» девушки:

Жуковский со смехом говорил, что говорят, будто бы пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к *бабочке*-Филимонову, в неблагоприятную Колому, подала повод этому упреку. Филимонов конечно..., а его *бабочка* конечно рублевая, парнасская Варюшка (Письмо П. А. Вяземскому 25 января 1829, П. т. 9: 29).

Омонимическая аттракция при языковой игре довольно часто используется в современной речи.

Игра с паремией

Исходная пословица – *Далеко кулику до Петрова дня* – используется Пушкиным как средство для противопоставления поэтов: *Конечно, он поэт, но не Вольтер, не Гете... далеко кулику до орла!* (Письмо П. А. Вяземскому 25 мая 1825,

П. т. 9: 163). Орнитоним *кулик* из известной паремии Пушкин заменяет негативно-оценочным зоотропом *кулик* ‘плохой поэт’ для противопоставления *орлу* ‘хорошему поэту’.

Зоотропы в современном языке нередко используются в языковой игре как выражение лингвокреативности [4]. Приемы, которые применяет Пушкин, сохраняют свою актуальность для современных авторов.

ВЫВОДЫ

Наследие Пушкина предоставляет богатый материал для диахронического анализа семантических и функционально-прагматических особенностей русских зоотропов. Названия животных в переносных антропоцентрических значениях автор использует в поэтических и прозаических произведениях, в письмах к друзьям и родным. Проведенное исследование показывает, что эти лексико-семантические варианты сформировали тот корпус зоотропов, который мы имеем сегодня.

Значительная часть зоотропов Пушкина, использованных для выражения положительной и отрицательной оценки, входит в состав узульной лексики и сохраняет соответствующую прагматику. Актуальны использованные Пушкиным конкретные приемы языковой игры на разных уровнях языковой системы.

В целом прагматические коннотативные компоненты исследуемых лексем, которые обнаруживаются в языке Пушкина, за редкими исключениями оказываются аутентичными тем, которые входят в состав современных единиц. Прагматика зоотропов в пушкинских текстах во многом предопределяет тенденции развития этого пласта лексико-семантической системы русского языка. Пушкинское обращение с зоотропами современно и актуально.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Госиздат, 1959–1962. (П.)

² Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Азбуковник, 2000. (СП)

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).

⁴ Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 3. М.; СПб.: Наука, 2003. 665 с. Т. 7. М.; СПб.: Наука, 2007. 730 с. Т. 8. М.; СПб.: Наука, 2007. 841 с. (БАС-3)

⁵ Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2008. 1536 с. (БТС)

⁶ Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. С. 191.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Т. 3. М., 1971. С. 574–575.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добровольский Д. О. Лексическая семантика в диахронии: язык художественной прозы Пушкина и современное словоупотребление // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 76–82.

2. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянских культур, 2010. 512 с.
3. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. 847 с.
4. Минеева З. И. Агентивы в языковой игре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2017. № 4. С. 169–175.
5. Минеева З. И. Зоотропы в словаре А. С. Пушкина // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 107–114.
6. Пеньковский А. Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 2003. 640 с.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
8. Фролова О. Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 137–158.

Поступила в редакцию 20.04.2020; принята к публикации 10.11.2020

Original article

Zoya I. Mineeva, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 3575-1628-3586-2908; zmineeva@rambler.ru

PRAGMATIC POTENTIAL OF ZOOTROPIES IN WORKS BY ALEXANDER PUSHKIN

A b s t r a c t. The article analyzes the use of zootropes, i. e., the names of animals and birds with figurative anthropocentric meanings that Pushkin used in speech acts of various types. The author identifies the units that Pushkin used for positive and negative evaluation of people's features, actions, and behavior. Texts of different genres, such as tragedies, novels, poems, epigrams, and letters, are subjected to semantic and pragmatic analysis. Semantics and pragmatics of zootropes in the texts written by Pushkin and modern authors (retrieved from the Russian National Corpus) are compared in order to identify usual and occasional units. As a result, first of all, the units used for positive evaluation in affectionate addresses to women or for expressing amiable attitude and approval are exposed; the semantics of such units comprise meliorative components. Secondly, zootropes are exposed that Pushkin used for expressing negative evaluation, disapproval, reprimand, and verbal abuse; the semantics of those units comprise pejorative components. Evaluation semantics are neutralized in cases of language game or jokes. Positive and negative evaluations are referred to the characters of Pushkin's texts and people with whom Pushkin had official, unofficial, friendly or family relations. The conclusion is made that Pushkin used zootropes with the aim to explicitly express evaluation and expose a wide range of positive and negative emotions and intentions. Zootropes were also used by Pushkin for language game. The analyzed words included both usual and occasional lexemes.

К e y w o r d s : zootrope, pragmatics, metaphor, metonymy, evaluation, pejorative connotation, meliorative connotation, language game

F o r c i t a t i o n : Mineeva, Z. I. Pragmatic potential of zootropes in works by Alexander Pushkin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564

REFERENCES

1. Dobrovolskiy, D. O. Lexical semantics in diachrony: the language of Pushkin's prose and modern word usage. *Author's lexicography and the history of words: celebrating the 50th anniversary of the publication of Pushkin's Language Dictionary*. Moscow, 2013. P. 76–82. (In Russ.)
2. Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. Materials for the dictionary of metaphors and similes of the Russian literature of the XIX and the XX centuries. Issue 2: Animals, insects, fish and snakes (L. L. Shestakova, Ed.). Moscow, 2010. 512 p. (In Russ.)
3. Lotman, Yu. M. Pushkin. St. Petersburg, 1995. 847 p. (In Russ.)
4. Mineeva, Z. I. Agentives in a language game. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2017;4:169–175. (In Russ.)
5. Mineeva, Z. I. Zootropes in Alexander Pushkin's glossary. *Author's lexicography and the history of words: celebrating the 50th anniversary of the publication of Pushkin's Language Dictionary*. Moscow, 2013. P. 107–114. (In Russ.)
6. Pen'kovskiy, A. B. Nina: The cultural myth of the Golden Age of Russian literature in linguistic coverage. Moscow, 2003. 640 p. (In Russ.)
7. Sannikov, V. Z. The Russian language in the mirror of language game. Moscow, 2002. 552 p. (In Russ.)
8. Frолова, О. Е. Figurative meanings of animal names in explanatory dictionaries (anthropocentric aspect). *Russian Language and Linguistic Theory*. 2005;2(10):137–158. (In Russ.)

Received: 20 April, 2020; accepted: 10 November, 2020